

Эго-документ: подходы к изучению

Мария Александрова

Подростковый дневник 1920–30-х годов

МОДЕЛИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В ДНЕВНИКЕ АТЫ ТИПОТ

Maria Aleksandrova

A Teenage Diary from the 1920s–30s: Models of Self-Identification in Ata Tipot's Diary

Мария Александрова

НИУ ВШЭ (Москва), Аспирантская школа
по филологическим наукам, аспирантка
de.maleksandrova@gmail.com.

Maria Aleksandrova

National Research University Higher School of Economics (Moscow), School of Philological Studies,
PhD student
de.maleksandrova@gmail.com.

Ключевые слова: дневник советской девушки, исследования эго-документов, Наталья Гинзбург, Лидия Гинзбург, советская культура 1920-х–1930-х годов

Keywords: Soviet girl's diary, ego-document studies, Natalia Ginzburg, Lydia Ginzburg, Soviet culture of the 1920s–1930s

УДК: 821.161.1+82-94

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_254

UDC: 821.161.1+82-94

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_254

Статья посвящена специфике поиска идентичности в дневнике Аты Типот за 1927–1933 годы. Наталья Соколова (в дневнике — Ата Типот) — дочь театральной художницы Надежды Блюменфельд и публициста, театрального режиссера, основателя Московского театра сатиры Виктора Типота, племянница Лидии Гинзбург. В конце 1920-х — начале 1930-х годов Ата — ученица обычной единой трудовой школы. Образ жизни Аты Типот, девочки из интеллигентной семьи, существенно отличается от образа жизни многих ее одноклассников. Чувство инаковости рождает у Аты противоречивые переживания — одновременно интеллектуальное превосходство, стыд за «интеллигентское» происхождение и страх оказаться лишней в мире «новых людей».

This article investigates the specificity of identity formation in the diary of Ata Teapot (Natalia Sokolova) during the years 1927–1933. Sokolova — the daughter of theater designer Nadezhda Blumenfeld and the publicist, director, and founder of the Moscow Satire Theater Viktor Teapot, as well as the niece of literary scholar Lydia Ginzburg — was, at the time, a student at an ordinary Soviet unified labor school. Her daily life, shaped by the cultural milieu of the intelligentsia, contrasted markedly with that of her working-class peers. This experience of social and cultural otherness gave rise to ambivalent self-perceptions: a simultaneous sense of intellectual superiority, shame over her intelligentsia origins, and anxiety about being excluded from the emerging ideal of the «new Soviet man».

В 1920–1930-е годы, в период активной реализации проекта по созданию «нового человека», многие советские дети и подростки действительно мечтали стать «новыми людьми», достойными коммунистического будущего. Роль образцовых строителей социализма вдохновляла не только пролетарских детей, но и детей из интеллигентских слоев. При этом дети из семей интеллигенции находились в гораздо более сложной ситуации, нежели дети из рабочей и крестьянской среды. «Новый человек» должен был возникнуть на пролетарской и (отчасти) крестьянской социальной базе. Несмотря на то что классовый подход в отношении школьников был не так строг, как в отношении взрослых, классовая принадлежность имела значение¹. В 1920-е годы происхождение могло стать препятствием для поступления в школу или причиной исключения из нее, определять отношение к ребенку товарищей, учителей, школьной администрации и комсомольской организации². Дети из «социально чуждых пролетариату прослоек» зачастую обнаруживали собственную чуждость в очень раннем возрасте. У них возникало ощущение, что жить в новом времени и строить «светлое будущее» дозволено только «новым» людям, а свою принадлежность к ним необходимо заслужить и публично доказать³.

Влияние семьи на формирование личности ребенка в 1920-е годы существенно уменьшилось. Семья часто не выдерживала конкуренции с влиянием школы, в которой были запрещены физические наказания, можно было найти друзей и единомышленников, расширить свой кругозор и получить доступ к совершенно новым каналам информации⁴. Однако в жизни многих детей интеллигентов семья зачастую играла гораздо более значимую роль, нежели в жизни детей из других социальных слоев⁵. В таких семьях существовала спе-

- 1 О роли школы в формировании «нового человека» см.: *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. О школе и детстве раннесоветского периода см.: *Вендровская Р.Б.* Школа 20-х гг.: поиски и результаты. М.: Международная педагогическая академия, 1993; *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет, 2007; *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979; *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007; *Holmes L.* School and Schooling under Stalin, 1931–1934 // *Educational Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects* / Ed. by B. Ekloff, L. Holmes, V. Kaplan. London; New York: Frank Cass, 2005. P. 56–101. Особого внимания заслуживает книга историка А. Рожкова, первая часть которой посвящена условиям жизни и повседневным практикам советских школьников в 1920-е годы: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 29–192.
- 2 См.: Там же. С. 63–73.
- 3 Там же. С. 67.
- 4 См.: Там же. С. 39–49.
- 5 При этом далеко не все представители дореволюционных привилегированных слоев имели возможность взять под контроль воспитание своих детей. Отсутствие контроля над воспитательным процессом не было редкостью. Многое зависело от степени сплоченности семьи и психологического состояния ее членов, количества работающих взрослых, наличия бабушек и дедушек, жилищного пространства. Уделять время воспитанию детей могли позволить себе те, кому удалось адаптироваться к новой советской действительности. Об этом см.: *Чуйкина С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 130–156. О семьях предста-

цифическая, давно сложившаяся культура совместного времяпрепровождения: семейные праздники, домашние спектакли, совместное чтение вслух, летние поездки на дачу. Родители нередко принимали участие в образовании ребенка и не были готовы полностью передать эту ответственность школе. Родители и другие старшие члены семьи часто оставались для своих детей значимыми взрослыми, с авторитетом которых далеко не всегда способны были конкурировать школьные учителя.

Для многих советских школьников единственным местом, где они могли получить доступ к художественной литературе, были городские библиотеки, их круг чтения формировался именно там. Однако круг чтения детей из семей интеллигентов зачастую несколько отличался от круга чтения их сверстников и в существенной степени зависел от состава домашней библиотеки, от читательских интересов родителей, их отношения к чтению, их рекомендаций. Поощрявшееся родителями чтение серьезной литературы оказывало влияние на формирование мировоззрения, социальных представлений и идеалов подростков, и школа лишилась монополии на формирование личности⁶.

Дети из семей интеллигентов находились под влиянием родителей и в то же время быстро впитывали новую идеологию в школе. Пытаясь приспособиться к воздействию противоборствующих авторитетов, они были вынуждены метаться между семьей и школой, видя в каждом из этих социальных институтов слабости и преимущества. В результате многие из них в старшем школьном возрасте сталкивались с серьезным кризисом самоопределения и самоидентификации, который усугублялся характерной для подростков 15–17-летнего возраста потребностью в обретении независимости и самостоятельности. Многие подростков вдохновляет роль «нового человека», многие из них верят в коммунистические идеалы и негативно относятся к «старорежимной» жизни, не разделяя ностальгические настроения, свойственные некоторым взрослым. При этом они остро переживают собственную «несовременность», несоответствие желаемой роли из-за «неправильного» происхождения, из-за своей «интеллигентской» природы и ищут способы приведения себя в соответствие с требованиями времени, способы ухода от проблемы или прибегают к социальной маскировке (скрывают свое происхождение и выдают себя за детей простых рабочих)⁷. Пространством рефлексии на эти болезненные темы и поиска ответов на вопросы «кто я?» и «кем быть?» для подростков становятся личные дневники.

Для юношей и девушек ведение дневника — возможность оставаться и становиться собой. В процессе письма они снова и снова сталкиваются все с теми

вителей дореволюционных элит в советское время см. также: *Фотеева Е.* Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Российская академия наук, 1996. С. 240–275; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003; *Rendle M.* Family, Kinship and Revolution: The Russian Nobility, 1917–1924 // *Family and Community History*. 2005. Vol. 8. № 1. P. 35–47.

6 *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников... С. 147.

7 См.: *Чуйкина С.А.* Дворянская память... С. 130–156; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников... С. 29–192; *Фицпатрик III.* Повседневный Сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 141–168.

же вопросами (поскольку практика ведения дневника предполагает опыт самопознания), однако дневник позволяет по-разному «разыгрывать» свое *Я* в процессе письма, быть непоследовательным, почувствовать себя в разных, иногда противоречащих друг другу «амплуа». По замечанию Сидонии Смит, нарративное *Я* в дневнике никогда не является вполне целостным, оно все время находится в процессе становления, ситуативного «разыгрывания», в котором большое значение имеет не только субъективное намерение и желание автора, но и воздействие существующих в данном социуме и культуре дискурсов идентичности⁸. Автогерметичность дневника фиктивна. Процесс саморефлексии и поиск идентичности совершается в дневнике наедине с самим собой, но одновременно в присутствии Другого, поскольку у дневникового текста есть адресаты, как реальные, так и виртуальные (потенциальные читатели, к которым пишуший прямо не обращается, иногда даже не вполне осознаёт их наличие, но чье виртуальное присутствие влияет на форму и отчасти содержание высказывания)⁹. Дневник часто косвенно адресован не конкретным людям, а референтным группам признания, сообществу «своих» или тем, для кого автор дневника хочет стать «своим», то есть тем, кто оказывает влияние на его представление о себе.

Настоящая статья посвящена дневникам Натальи Соколовой (в школьных дневниках — Ата Типот) за 1927–1933 годы¹⁰. В рассматриваемый мною период Ата — ученица обычной советской единой трудовой школы. Образ жизни Аты Типот, девочки из интеллигентной семьи, существенно отличается от образа жизни многих ее одноклассников. Меня интересует то, как включенность Аты в два принципиально различающихся пространства, в школьное и семейное, влияет на осуществляемый ею в акте письма отбор, корреляцию, символическую интерпретацию элементов жизненного опыта. Отдельное внимание я уделяю тому, какую роль в этом процессе играют прочитанные Атой литературные тексты и ее собственное литературное творчество.

Наталья Соколова (урожденная Гинзбург, 1916–2002) — дочь театральной художницы, актрисы и переводчицы Надежды Блюменфельд и публициста, театрального режиссера, основателя Московского театра сатиры Виктора Гинзбурга (театральный псевдоним — Виктор Типот), племянница Лидии Гинзбург. Соколова — писательница, публицист, автор научно-фантастических повестей и рассказов, воспоминаний о жизни эвакуированных писателей в Чистополе в 1941–1943 годах. Она вела дневники практически всю жизнь, настоящая статья посвящена записям школьного периода (1927–1931) и дневникам за 1932–1933 год.

-
- 8 *Smith S.* Performativity Autobiographical Practice Resistance // *Women, Autobiography, Theory: A Reader* / Ed. by S. Smith; J. Watson. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. P. 109.
 - 9 См.: *Савкина И.Л.* «Если радость на всех одна...», или Автопортрет поколения в юности // «Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков оттепели / Изд. подг. И.Л. Савкина, С.В. Николаева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 15.
 - 10 Рукопись дневника хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в неописанной части фонда Н.В. Соколовой (Ф. 3270). Работа с рукописью велась по фотокопиям, предоставленным Центром изучения эго-документов «Прожито». Далее ссылки на цитаты даются по этому источнику с указанием в скобках даты записи.

Юная Наталья Гинзбург (в семейном и дружеском кругу — Ата) в дневниках подписывается псевдонимом отца. Ата Типот родилась в Одессе, в Одессе родились и выросли и ее родители и тетя. До революции Гинзбурги — довольно богатая семья. Прадедущка Аты, Моисей Гинзбург, купец, имел огромный дом (фактически, имение) в Городне, многие из его сыновей также пошли по купеческой части. Старший, Григорий, был владельцем кирпичного завода. Яков Моисеевич Гинзбург, отец Виктора и Лидии, был химиком, специалистом по бактериологии. Он заведовал известной в Одессе лабораторий по производству пищевых дрожжей, в которой под его руководством работал и его брат, Марк Гинзбург. После смерти Якова Марк возглавил лабораторию и посвятил свою жизнь заботе о семье умершего брата. Надежда Блюменфельд — дочь Германа Блюменфельда, известного адвоката, правоведа, историка права Восточной Европы¹¹.

В 1922 году Лидия Гинзбург поступает в Институт истории искусств и уезжает в Петроград, в этом же году Виктор Типот и Надежда Блюменфельд перебираются из голодной Одессы в Москву, куда два года спустя перевозят и дочь.

Ата Типот начинает регулярно вести личный дневник осенью 1927 года, в возрасте одиннадцати лет, спустя три года после переезда в Москву. В октябре 1927 года Ата Типот — ученица 4-ой группы советской единой трудовой школы. В это время семья Гинзбургов живет в центре Москвы, в коммунальной квартире № 13 в доме № 5 в Лиховом переулке. Сопутствовавшие переезду из Одессы в Москву трудности, безденежье, отсутствие собственного жилья, поиски работы остались позади. К 1927 году круг литературных и театральных знакомств Виктора Типота очень широк, он становится одним из популярнейших московских остроумцев. Виктор Ардов, Эмиль Кроткий, Николай Эрдман и другие писатели, театральные деятели и актеры часто бывают у него в гостях.

Сатирический талант Виктора Типота, умеющего сочетать в своих постановках легкость и веселье с актуальностью и злободневностью, оказался востребованным в нэпманской Москве. В 1924–1928 годах Виктор Типот является художественным руководителем Московского театра сатиры. В соавторстве с Давидом Гутманом, Николаем Эрдманом, Владимиром Массом и другими молодыми московскими сатириками Типот работает над театральными обозрениями — многоактными спектаклями на политические и (чаще) социально-бытовые темы, состоящими из коротких сценок, пародий, куплетов, песенок и танцев. Спектакли ставились очень быстро, часто являлись пародийным откликом на актуальные события и острые бытовые проблемы сегодняшнего дня и были на-

11 Некоторые сведения о семье Гинзбургов содержатся в биографических очерках о Лидии Гинзбург. См.: *Ван Баскирк Э.* Проза Лидии Гинзбург: Реальность в поисках литературы / Пер. с англ. С. Силаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 21–37; *Harris J.G.* A Biographical Introduction // In *Memoriam: Lidia Ginzburg* / Ed. by J.G. Harris // *Canadian-American Slavic Studies*. 1994. Vol. 28. № 2–3. P. 126–145. Особенно подробно история семьи изложена в биографии Лидии Гинзбург, написанной Н. Соколовой (неслучайно в предисловии к биографии Соколова отмечает, что ее работа местами напоминает семейную хронику). Текст биографии не опубликован и хранится в РГАЛИ. См.: *Соколова Н.В.* «Лидия Гинзбург, родня, знакомые. Материалы к биографии». Воспоминания. 1990-е годы, 93 с. РГАЛИ. Ф. 3270. Оп. 1. Ед. хр. 27.

сыщены каламбурами и остротами¹². В 1928 году, когда Театр сатиры переходит к постановкам комедий, Виктор Типот покидает его и принимает участие в организации Театра обзрений при Доме печати, становится его главным режиссером и автором программ (совместно с А. Арго, В. Массом, В. Катаевым и другими). Вместе с Типотом в Театре обзрений театральным художником работает и его жена Надежда Блюменфельд. В качестве автора и режиссера Типот также сотрудничает с московской «Синей блузой», агитационным эстрадным театральным коллективом и одноименным печатным изданием Московского городского совета профессиональных союзов (МГСПС), в котором публиковались тексты программ «Синей блузы» и различные репертуарные материалы.

Виктор Типот тесно связан и с московской сатирической печатью, переживавшей в 1920-е годы период подъема. С начала 1920-х годов он сотрудничает в нескольких крупных сатирико-юмористических журналах, в том числе в «Крокодиле» и «Красном перце». С «Красным перцем» в это время сотрудничали, в частности, В. Маяковский, В. Катаев, Д. Бедный, Ю. Олеся, Е. Петров, В. Шкловский. Большая часть материалов «Красного перца» — сатирические и юмористические произведения малых жанров (короткие рассказы, диалоги, фельетоны, анкеты, афоризмы и пародии). Издание славилось сатирическими рисунками, в «Красном перце» работали Ю. Ганф, А. Радаков, К. Елисеев, Б. Антоновский и другие художники-карикатуристы. Стихи, проза, диалоги, сценки Типота появляются почти в каждом номере, он также придумывает сюжеты для сатирических рисунков и подписи к ним. Жизнь сатирических журналов и сатирических театров этого времени тесно переплетены, а у театрального, журнального, литературного кругов множество взаимных пересечений¹³.

Ата Типот не просто прекрасно осведомлена о том, чем занимаются ее родители, она вовлечена в их профессиональную жизнь. Их театральный мир — и ее мир тоже. Ата ходит на спектакли отца, он читает ей свои новые пьесы, песенки, рассказы и стихи, родители обсуждают с ней успех или неудачу той или иной постановки, берут с собой за кулисы, на встречи с коллегами, многие друзья родителей знают и любят ее. В конце 1920-х годов Ата фактически живет жизнью своих родителей, людей театра, и ее дневник полон этой жизнью.

По-видимому, несколько раньше, чем дневник (примерно с 1924 года), Ата Типот начинает вести записные книжки, в которых отсутствуют записи дневникового характера. Записные книжки Аты Типот — своеобразная «энциклопедия» сатирической московской жизни середины 1920-х — начала 1930-х годов. Ата коллекционирует смешное: записывает анекдоты про Кремль, советских вождей и советских евреев, блатной фольклор, стихи, песенки и диалоги из современных юмористических пьес и сатирических журналов, каламбуры, шутки и остроты отца, смешные диалоги знакомых и родственников и забавные истории о них — все то, чем во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов наполнена жизнь ее родителей, их семейные, дружеские и профессиональные разговоры. Иногда функцию записной книжки выполняет дневник. Вне основных (ежедневных) записей под заголовком «Страничка для потомства» Ата записывает все то же, распространенные шутки и анекдоты:

12 См.: Уварова Е.Д. Эстрадный театр: Миниатюры, обзрения, мюзик-холлы (1917–1945). М.: Искусство, 1983.

13 См.: Зеленая Р.В. Разрозненные страницы. Моя биография. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 55–56.

Страничка для потомства (Здесь и далее во всех цитатах Н. Соколовой сохранена орфография и пунктуация оригинала. — М.А.).

Лозунги по Ленину:

- 1) «Каждая кухарка может стать классиком»
- 2) «Тому, кто за собой не гасит свет, в трудовой уборной места нет» (папа)

Распространенные анекдоты:

- 3) Один мужик приехал в Москву. Пошел он купить возж[д]и, напутал и попал в Госиздат. Он спрашивает: «Есть у вас возжди?». Ему показывают Рыкова, Сталина, там... Зиновьева. Он говорит: «Нет, мне не энти вожди надобны, энтих надо вешать, а мне надобны вожди, что правят» (4.07.1928).

Некоторые шутки совсем безобидны, ряд анекдотов можно счесть острополи- тическими, однако Ату совершенно не волнует их содержание, на страницах дневника она никак не выражает свое отношение к записанному. В ее днев- ник попадает все, что «в воздухе витает», все, что она успевает запомнить и записать.

«Для потомства» предназначена не только «коллекция смешного», но и та часть основных дневниковых записей, которая посвящена повседневной жизни семьи: спектакли, театральная закулисная жизнь, теннисные и футбольные матчи, походы родителей в редакцию «Синей блузы», остроты отца и его новые спектакли и тексты, мамина работа над эскизами костюмов, встречи и разго- воры с друзьями, знакомыми и коллегами родителей. Ата выступает в роли своеобразного семейного хроникера, ежедневно описывая то, чем наполнена жизнь ее семьи. Жизнь театральной и литературной Москвы конца 1920-х — начала 1930-х годов в дневнике Аты Типот вписана в семейную повседневную жизнь, неразрывно связана с ней. Ата не стремится сформировать и проявить свой уникальный взгляд на происходящее, предмет описания (будь то спек- такль, встреча со знаменитым современником или разговор о новой поста- новке) никак не влияет на стилистику ее записей (все это — такая же часть «се- годня», как и многое другое), у нее не возникает вопроса, как об этом писать:

Сегодня был<а> у Хаджеев. Очень милый. С рекламы «Хлородонт»! Пили чай и вели интересный разговор. Обещал написать в альбом. Не напишет? Ничего, я его заставлю. Говорили о многом: о Гор<ъ>ком, об Аманулле, о Барбюссе, о Кир- шоне, о русской литературе, о «Красине», Чухновском и Амундсене. <...> Благо- дарили Лиду Ч. Завтра иду в отряд, а потом может быть к Э. Багрицкому, о кото- ром писал Катаев. Посмотрю его рыб! Х. говорит, что Н. ни капельки не приврал, наоборот в самом деле все было еще забавнее. Теперь все пошли в кино на «Мо- раль» с Элен Рихтер. Если интересно, я пойду тоже (20.10.1928).

Эти записи как бы сами по себе, без специальных «писательских» усилий со стороны Аты, передают «дух эпохи»¹⁴, то есть все то, в чем заключено очаро- вание ее собственного повседневного настоящего.

14 Взрослея, Ата пишет о семье все реже и все с меньшим увлечением, и в какой-то мо- мент сама это замечает. «Раньше я что-то не то писала в дневниках, и были они жи- вее, непосредственней, больше передавали дух эпохи» (21.01.33), — комментирует она свою последнюю запись о сложных отношениях отца с редакцией журнала «Крокодил».

Авторское *Я* в этих записях часто как бы растворяется в семейном *Мы*, Ата смотрит на мир глазами родителей, их взгляд и ее взгляд трудно различимы:

Папа говорит, что когда он только приехал в Москву и однажды пришел с Гутманом в Кружок, то Я.Д. с ним поздоровался за руку и сказал: «Здравствуйте, В<иктор> Я<ковлевич>». Тогда Гутман ему сказал: «Ну, Виктор, отныне ты настоящий моск<овский> литератор». Это выше признаний публики и критики (30.07.1928).

Комментарий Аты к этой истории («это выше признаний публики и критики») не лишен некоторой иронии. Я.Д. (Яков Данилович Розенталь) — директор ресторанов Дома Герцена, Дома Союза писателей и Дома печати, впоследствии управляющий ресторана Клуба театральных работников. С одной стороны, Розенталь, знавший весь театральный мир, был в конце 1920-х — начале 1930-х годов настоящей душой ресторанной жизни театральной и литературной Москвы, с другой стороны, забавно, что благосклонность человека, не имеющего прямого отношения к литературе, свидетельствует о настоящем литературном успехе. Очевидно, что это «взрослая» ирония, смеется над этой историей Виктор Типот, а Ата просто передает слова отца.

Записи «для потомков» так важны Ате потому, что дают возможность быть для семьи и ее окружения не просто маленькой Атой, дочкой режиссера Типота, получить в кругу, в котором она — ребенок (так к Ате, кстати, и обращается в письмах Лидия Гинзбург: «Спасибо, ребенок, что написала...»¹⁵), «взрослую» роль хранителя коллективной памяти. В дневниках 1927–1928 годов она периодически пишет, что со взрослыми ей интереснее, чем со сверстниками. Родители Аты знают о том, что она ведет дневник, и одобряют ее записи «для потомков» (возможно, ими и была подсказана или даже прямо предложена Ате роль семейного хроникера). Иногда они сами просят ее записать «для будущей истории нравов» какой-нибудь забавный случай:

(На полях (другой ручкой, видимо, позже) написано: «Для будущей истории нравов». — М.А.). Мама мне велела записать случай, пр<оизошедший> в оперетте. Шла «Сильва». Солокольская, Сильва, Эдвин — Соколинский, Стася — Маша Юдина. Было ужасно, но публика была в восторге. В таком составе «Сильва» шла в первый раз, без репетиции. В последнем акте в танце, как и следовало ожидать, С. стала танцевать одно, а Юдина и Соколинский — другое. Сокольская громко ск<азала> Юдиной — «Сволочь!» и наступила ей на ногу. Юдина ответила «стерва». Быстро опустили занавесь. Под занавесь С. толкнула Ю. с лестницы. Весь оркестр полез на сцену. Все спорили... (9.12.1928).

В 1927–1929 годах, в период особенной очарованности театральным миром родителей, ведение записей «для потомков» для Аты, помимо всего прочего, — способ заслужить признание взрослых. Она играет роль хранителя коллективной памяти очень добросовестно, однако кое-что в разыгрывании этой роли все-таки остается детской игрой. Ата — не только семейный хроникер, но и семейный архивариус. Для своего архива она собирает, в частности, письма родственников и их знакомых. Архив пополняется тайно, письма Ата крадет из папиного стола, явно наслаждаясь собственной дерзостью:

15 РГАЛИ. Ф. 3270. Оп. 1. Ед. хр. 40 (9.02.1933).

Я отчаянная сорвиголовка. Для своего архива украла с папиного стола 1 письмо папе из Одессы (правда, старое, еще, когда там была Люся) и одну открытку Люсе. Подпись «Гр.». Еще тут есть 2 спрятанных в конверт письма Люсе. Одно — от Л.М. и Т.Р., др<угое> — от Татьяны. Взять?! Нет, я не решаюсь (2.10.1928).

Семейную жизнь и театральный мир в записных книжках и дневниках Аты Типот связывает, в частности, общее смеховое начало. Юмор играл ключевую роль не только в профессиональной деятельности Виктора Типота, он был для него способом восприятия и отражения окружающей действительности. Атмосферу «постоянного несерьеза»¹⁶ Типот создавал и в семье. Богатая коллекция семейных анекдотов постоянно пополнялась, Типот не щадил никого, включая себя самого. «Отец способен острить даже в могиле», — пишет в дневнике Ата, цитируя эпиграмму, написанную Типотом по случаю его довольно болезненного падения на Красной площади:

Мечту последнюю лелея
Пристроить свой посмертный прах
Свалился возле мавзолея
И мордую об землю трах! (5.01.1933).

Атмосфера постоянной шуточности игры, анекдотизация семейной жизни, одновременно сочувственный и иронический взгляд на советское настоящее позволяли семье Аты Типот довольно безболезненно игнорировать «высокие» аспекты социализма (его идеализированный, героико-утопический образ). «Высокий» социализм постоянно присутствует где-то на горизонте, на периферии зрения, но стоит ему одеться в конкретные формы, как его возвышенный ореол развеивается. Очень показательна в этом плане запись Аты Типот о демонстрации в честь Октябрьской революции, в которой она участвовала вместе с одноклассниками:

Сейчас у нас каникулы — 1 неделя по поводу Октябрьской Революции. Только что вернулась с демонстрации. Ходили по кольцу А (Бульварное кольцо. — М.А.), а потом на Красную <площадь>. Хулиганили, баловались, не чувствуя, как говорится «исторической важности момента» (8.11.1928).

В этой реплике Аты вновь ощущается «взрослая» родительская ирония. Ее семья серьезно относится к событиям 1917 года, считая, что глупо не понимать их историческую неизбежность. В семье Гинзбургов говорят о революции как об историческом событии небывалого масштаба, которое привело к крушению старого миропорядка и необратимому наступлению нового, ни на что прежнее не похожего мира¹⁷. При этом к советскому праздничному официозу относятся без всякого пиетета.

16 Соколова Н.В. «Лидия Гинзбург, родня, знакомые. Материалы к биографии». С. 44.

17 Ата кратко пересказывает в дневнике один из семейных разговоров так: «Политические споры с Заком, умно говорил отец, я тоже, кажется, неглупо. Он не понимает всей исторической неизбежности происходящего — слепой ребёнок, у меня чувство снисходительности к нему и вместе с тем удивленья — как можно не принять революции. Как бы это ни было голодно, холодно, ошибочно — это же все-таки даже не сравнимо ни с чем другим» (24.07.1932).

Семейный хроникер — важная, но не важнейшая из ролей, в которых Ата реализовывается через ведение дневника. Взрослея, Ата пишет о семье все менее вовлеченно, нарративное семейное *Мы* практически исчезает, ее все больше занимают обстоятельства ее личной жизни, собственные переживания и размышления. А вот количество записей о литературе и их объем только возрастают.

Круг чтения Аты очень широк. Она читает русскую классику (А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского, А. Куприна, А. Чехова), западноевропейскую литературу (У. Шекспира, И.В. Гете, В. Гюго, О. Бальзака, Ч. Диккенса, Г.К. Честертона, Ш. Бронте, Р. Киплинга, П. Вудхауса, Дж. Голсуорси, О. Уайльда, М. Пруста, Г. Уэллса), некоторых американских писателей (в первую очередь Дж. Лондона). Существенная часть прочитанного — романы: любовные, авантурные, исторические, научно-фантастические. Ата влюблена в русскую поэзию XIX века, знакома с поэзией символистов, читает В. Хлебникова, Н. Гумилева, С. Есенина, В. Маяковского, А. Ахматову, Б. Пастернака, О. Мандельштама, поэзию русской эмиграции (Дон-Аминадо, Сашу Черного). Она обожает В. Шкловского (особенно «Zoo, или Письма не о любви»), прочитала «Роман без вранья» А. Мариенгофа. Ату интересует не только художественная, но и документальная литература (например, записные книжки П. Вяземского, вышедшие с предисловием Л. Гинзбург, «Литературные воспоминания» И. Панаева), литературоведческие работы. В ее записях о прочитанном встречается и советская современная проза, например, рассказы М. Зощенко, роман М. Шагинян «Перемена» и романы Д. Фурманова и Ф. Gladкова, которые после 1932 года войдут в соцреалистический канон. Записей о будущих классиках соцреализма в Атином дневнике гораздо меньше, хотя, конечно, их произведения ей знакомы.

В 1924–1931 годы, во время учебы Аты в школе, программы по литературе постоянно меняются: программы, в которых произведения разбиты на тематические блоки, сменяют курсы по истории литературы (и наоборот), то появляется, то исчезает русская классика, литература то становится вполне самостоятельным предметом, то рассматривается исключительно как предмет иллюстративный, дополняющий обществоведческие дисциплины¹⁸. Только в 1933 году литературе окончательно возвращен статус самостоятельного предмета, курс становится хронологическим, а его основу составляют произведения русской классики, но к этому моменту Ата уже заканчивает школу. В 1920–1930-е годы одной из приоритетных задач в советской школе было изучение влияния социально-экономических факторов на развитие тех или иных литературных течений и выявление классовых предрассудков у писателей-классиков — литературные тексты требовалось связать с более общими социальными вопросами. В школьную программу внедряется современная марксистская критика, обращение к ней — залог правильной трактовки литературных текстов¹⁹.

Программный список произведений, безусловно, отчасти формирует круг чтения Аты. При этом уроки литературы не оказывают практически никакого влияния на ее литературные предпочтения, на формирование ее читательской оптики, способа размышлять и писать о текстах. Литература в советской школе

18 См.: Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. С. 143.

19 Там же. С. 146.

в первую очередь — средство воспитания подрастающего поколения в коммунистическом духе, но в языке Атиных записей о литературе практически не ощущается давления доминантного идеологического дискурса. Школьный набор произведений, практик чтения и интерпретации текстов не является исходной точкой ее познания литературы. Ее представления о сущности и назначении литературы (и — шире — творчества и искусства) формируют сами произведения, практически (настолько, насколько это возможно) без участия идеологического посредника, эстетический критерий при оценке того или иного текста для нее не менее (а иногда даже более) важен, чем критерий идеологический. Кроме того, большую роль в литературном «образовании» Аты играет общение с тетей, Лидией Гинзбург, и кругом ее знакомых.

Лидия Гинзбург периодически навещает семью брата в Москве, пишет племяннице письма, посылает ей книги. Иногда приезжает к ней в Ленинград на каникулы и Ата. В 1928 году Гинзбург получает комнату в коммунальной квартире на канале Грибоедова. Среди ее соседей были братья Гуковские, Матвей Гуковский (историк, искусствовед, специалист по итальянскому Возрождению) и Григорий Гуковский (специалист по русской поэзии XVIII века). В квартире на канале Грибоедова много говорили о стихах. Григорий Гуковский считал Атино увлечение поэзией «прекрасной болезнью», иногда давал Ате советы насчет ее библиотеки, подсказывал, что стоило бы у поэтов и о поэтах прочитать²⁰.

Чтение для Аты — больше, чем досуг, развлечение, это потребность, неотъемлемая часть повседневной жизни. О книгах и чтении она пишет практически ежедневно, иногда совсем кратко, мимоходом, иногда подробно, делясь переживаниями, которые вызвала книга, указывая на ее художественные достоинства и недостатки. Дневник Аты многофункционален и не сводится к «дневнику чтения», и все же главная его функция связана с литературой: дневник становится для Аты инструментом сотворения себя в качестве писателя, критика и исследователя, своеобразной творческой лабораторией. При этом в дневнике Ата о своем желании заниматься литературой открыто не говорит. Вероятно потому, что сомневается в том, что талантлива:

Мне кажется, что из меня гений не выйдет, талант не выйдет, человек не выйдет. Один хороший, но неуклюжий друг попробовал меня утешить: «Глупости, Ата, вы знаете — это всем так в молодости кажется <sic>». Ну, так из всех таки и не выходят гении (2.03.1933).

И все же она, сама себе не вполне в этом признаваясь, надеется, что ведение дневника поможет ей стать писателем. Этой надеждой Ата обязана Льву Толстому (а может быть, и опубликованной в 1922 году работе Б. Эйхенбаума «Молодой Толстой», в которой Эйхенбаум говорит о связи творчества Толстого и его дневников): «Когда я была маленькая, то верила, что Толстой был великим писателем, потому что регулярно писал дневник. Так наивно» (27.03.1932).

Советские педагоги расходились во мнениях об эффективности использования дневника в качестве инструмента самовоспитания²¹. Некоторые считали,

20 Соколова Н.В. «Лидия Гинзбург, родня, знакомые. Материалы к биографии». С. 22, 27.

21 См.: Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Авторизов. пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 62.

что дисциплинирующий, развивающий волю дневник может быть полезен, поскольку позволяет молодому человеку развиваться в соответствии с идеалами соцреализма. Однако дневники Л. Толстого оказывались в рамках коммунистической идеологии крайне сомнительным образцом дневникового жанра — чрезмерная рефлексия и самокопание опасны для самовоспитания и приводят к комплексам и унынию²². Начиная вести дневник, Ата Типот пробует использовать его в качестве инструмента самосовершенствования в советском духе, но почти сразу отказывается от этой идеи. Ата периодически критикует свою склонность к пессимизму, меланхолии и невротическим состояниям (по ее мнению, все это ей присуще), но этот эмоциональный опыт не может быть по-настоящему отвергнут, поскольку обладает «литературной» ценностью: он сопутствует акту творчества, романтизируется в поэзии, он присущ самым «интересным» и сложным героям прозаических произведений.

Ата пишет стихи (вероятно, в дневник они попадают не сразу — Ата переносит в дневниковые тетради своеобразные «подборки» за несколько месяцев или даже несколько лет). Тематика ее стихов очень разнообразна. Импульсом к созданию стихотворения для нее становится не чувство, не потребность особым образом выразить переживание, а желание освоить ту или иную поэтическую традицию, переосмыслить и пересоздать уже созданное другими. Ата заимствует «чужие» сюжеты, образы, интонации, ритмы, приемы, как бы выступая в амплуа того или иного поэта, присваивая его поэтический голос. В ее стихах есть пушкинские, лермонтовские, некрасовские мотивы, стилистическая контрастность, провокативные интонации и «антиэстетические» образы Маяковского, экзотическая лексика символистов, звучит «музыка революции» блоковской поэмы «Двенадцать», слышатся отголоски любовной и революционной лирики Есенина и т.д. Ата умеет определять стихотворный размер и сознательно экспериментирует с ритмикой (составляет к стихам метрические схемы). В большинстве случаев несложно определить, какой поэт руководил Атиной поэтической мыслью. К примеру, в стихотворении «Зимою весело на санках...» безошибочно узнается хрестоматийное стихотворение И. Сурикова «Детство» (1865):

Зимою весело на санках
Катить с горы
Под гам и шум веселый
Под крики детворы
Летим на перегонки
Вот сумасшедший бег
Перевернулись санки
И полетели в снег
Встаю, встаю скорее
Пока не видит мать
Сажусь на санки снова
И вниз лечу опять.
НО <sic> мчались годы люди, моды
С лица земли стир<ались> народы (22.01.1931).

22 См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 324.

В стихотворении Аты другая ритмика, отсутствует деревенский колорит, в финале неожиданно появляются строки о быстротечности времени в державинском духе («Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства, и царей...»), но сюжет по-прежнему узнаваем.

Если записи о семье не требуют от Аты специальных «писательских» усилий, а сочиняя стихи, она, скорее, осваивает уже существующие поэтические темы и средства, то, когда она пишет о литературе, ей принципиально важно выработать свой, индивидуальный критический стиль, свою исследовательскую оптику. Атин подход к чтению по окончании школы сильно меняется. Если вначале она читает все подряд, то, взрослея, начинает читать собрания сочинений, пытаясь составить целостное представление о творчестве того или иного автора: «Пошел III том Чехова — это же просто. Здорово. Какой мастер! Верх совершенства — “Каштанка”!» (12.02.1933). Так у Аты появляется внутреннее обязательство читать последовательно и освоить все, и спонтанное чтение превращается в работу, требующую усилий: «Пора. Надо за Достоевского опять браться. <...> А за очередную вещь Достоевского действительно пора взяться. Надо “Униженные” одолеть» (30.03.1933).

В дневнике Ата неоднократно пробует осмыслить историю русской литературы, по-своему описав, как сменяют, предвосхищают, наследуют друг друга в своем творчестве поэты и писатели, как в литературном произведении того или иного автора звучат голоса его предшественников и современников. Чем более опытным и последовательным читателем становится Ата, чем шире ее литературный кругозор, тем точнее ее наблюдения о стилистическом и сюжетном сходстве тех или иных произведений, общности их тем и мотивов. Ей становится все интереснее проводить литературные параллели, она радуется, когда ее самостоятельная догадка подтверждается авторитетным для нее исследователем. Так, например, происходит с тютчевскими мотивами в поэзии О. Мандельштама, которым Ата зачитывается в 1932–1933 году:

Любопытно — недавно открыла Тютчева (благодаря вышедшему только что 1-му тому его собрания сочинений). Увлеклась гражданскими вещами из-за пресловутого «неподдельного металла» и из-за темперамента, который местами подымается до Пушкинского стих. «Клеветникам России», а также лирикой как напр. «Я лютеран люблю богослуженье...» и поразила сходством с любимыми мотивами Мандельштама (хотя бы «Кто ни был ты, покойный лютеранин...» — не только из-за внешнего сходства, нет, их роднит внутренний общий дух, одинаковая кристальная ясность и чуточку меланхолическое спокойствие). А сейчас наткнулась на фразу из речи Эйхенбаума²³: «Предельное расширение его лирико-драматического я позволяет провести аналогию с Тютчевым». Я это тогда записала, не понимая сути, и потом сама дошла до этого. Умница детка! (13.06.1933).

У серьезного желания Аты сформировать свой особый взгляд на историю русской литературы есть и полуигровое воплощение. В одной из таких записей, воображая себя литературным критиком, она обрушивается на историю русской литературы XIX века, критикуя присущие ей тяжеловесность и надрыв.

23 Имеется в виду вступительное слово Б. Эйхенбаума на московском вечере О. Мандельштама в Политехническом музее 14 марта 1933 года.

История литературы превращается здесь в традиционный каталог персоналий (по определению Ю. Тынянова, в «историю генералов») от Пушкина до Толстого, Ата характеризует творчество, личность и судьбу писателей-классиков, рисуя мрачный образ литературного XIX века. Приведем часть этого критического пассажа:

Я ненавижу русскую литературу. Эта тяжеловесность, навинченность, надуманность. И вся она тяжелая в душе человеческой, с томлением, с надрывом. А я хочу легкости, блеска, тонкости, ума. <...>

Дальше в глубь веков меньше тошнотворности, но та же тяжесть, достоевщина. Был веселый, живой, умный, тонкий, блестящий человек (А.С. Пушкин. — М.А.), живость африканской крови боролась в нем со славянством. Но он погиб, его одели в бронзу, обмонументили, и за бронзой не видно человека. Жаль! Блестящий весельчак (Н.В. Гоголь. — М.А.) — и тот не так весел, как кажется. Еще в ранних вещах есть смех, а потом только жуть. И иступленное мракобесие в конце жизни. Как художник, рисовавший демонов [и сошедший с ума]. Не веселей и их ученик с маленькими усиками и саркастической усмешкой, [бог] холеный дворянин с [модной] вечной скукой на лице, пописывающий стихи (М.Ю. Лермонтов. — М.А.). Он отнюдь не литератор, не писака, о, нет. Он модно разочарован, но под напускным трагизмом скрывается истинный. И опять рано оборванная жизнь и поэт уходит, не успев создать ничего прочного, оставив только литер<ату>рное сверкание гения (22.01.1931).

Атино отношение к русской литературе прошлого века устроено сложнее и не сводится к содержанию этой записи. Критическая поза здесь важнее литературоведческой точности, эмоциональность, экспрессия, драматический накал важнее объективности. Ата намеренно не называет имен, образ писателя должен говорить сам за себя. Она стремится произвести впечатление, поразить яркостью характеристик, оригинальностью сравнений. Критик — одна из самых «театральных» Атиных ролей, в момент ее разыгрывания дневник будто бы превращается в сцену для выступления перед воображаемой аудиторией. Ата и сама относится к своим критическим опусам как к игре, но и эта игра — часть процесса ее становления в качестве писателя и литературоведа. Роль авторитетного критика, имеющего право возносить на литературный Олимп и низвергать с него, на которую пока невозможно претендовать в реальной жизни, можно опробовать в дневнике. Ата наслаждается позицией знатока и в то же время проверяет, по силам ли ей ее занять.

Чем больше Ата читает, тем сильнее размывается в ее дневнике граница между жизнью и литературой. Литературные герои для нее так же реальны, как и люди вокруг, а на окружающих Ата смотрит сквозь призму литературы, сравнивая их с литературными героями. Например, когда Ата раздумывает, кому бы подошла придуманная ею поэтическая характеристика, героини романов Тургенева и Достоевского и близкая знакомая Гинзбургов, актриса Рина Зеленая, оказываются в одном ряду: «Я хотела написать стихи про бутылку. Не вышло. Только мне нравится <sic> сказать про женщину: “Горлышко мутное, св<етло> зеленое”. Про Рину? Нет, про Соню Ростову. Или про Тургенев<скую> Ирину» (25.02.1929). Описывая одного из своих знакомых, Ата сравнивает его с Андреем Болконским. Она говорит о герое «Войны и мира» так, будто видела раненого князя Андрея своими глазами: «Я знаю, он много думал обо мне этот месяц. Помолодел, посвежел, похорошел, шея в откры-

том воротничке²⁴ младенческая как у Андрея Болконского перед смертью» (23.12.1932).

Атин язык описания повседневной жизни и ее восприятие поэтизируются. Она вслушивается в чужое поэтическое слово и в то же время смотрит на окружающую действительность, на свою жизнь глазами поэзии, стремясь поймать момент, в который поэзия действительности и поэзия поэзии окажутся созвучны друг другу:

День тянется. Большой. Густой. Белый. Как у Мандельштама — «...Но, как безумный, светел день...». Нет, не то. Тут слишком много динамики. В особенности когда отрываешь вторую строку от первой, («Спокойно дышат моря груди...»), которая своей большой неподвижности <sic> как то смягчала вздыбленный поры <в> второй. Нет, день такой пустой, мягкий, бесконечно долгий (30.01.1933).

В дневнике Ата пишет о школьной жизни не меньше, чем о литературе и семье. При этом, начиная вести дневник, она не сразу приходит к выводу, что в нем имеет смысл писать о школе, ведь образцом для нее являются «писательские» дневники Толстого. «Школьная тема» легитимизируется через литературу: «“Дневник Кости Рябцева” я прочла и сказала об этом только маме. Раньше я думала, что в дневнике не интересно писать про школу, но теперь поняла...» (17.11.1927). Повесть Н. Огнева (М. Розанова) «Дневник Кости Рябцева» (1926) — вымышленный дневник советского подростка-хулигана, обладающего при этом «правильными» коммунистическими убеждениями. Повесть Огнева стала образцом для подражания для многих советских подростков, ведущих дневники в конце 1920-х — начале 1930-х годов²⁵.

Для Аты школа — в первую очередь пространство, в котором можно общаться и дружить со сверстниками. Об образовательном процессе (о содержании уроков и подготовке к занятиям, успехах и неудачах в обучении, оценках, экзаменах, учителях) Ата практически не пишет. Чуть больше в ее дневнике записей о внеурочной школьной жизни и общественной работе (об участии в школьном самоуправлении, о школьных спектаклях, о приеме в пионеры, работе в столярной мастерской, жизни в пионерском лагере). Практически всех советских подростков, пишущих в дневниках о школьной жизни, как и Ату, больше всего интересуют и волнуют отношения с одноклассниками. Однако многие пишут и об учителях, и о темах уроков, об оценках, домашних заданиях. Некоторые пишут и о многочисленных общешкольных и ученических собраниях, о различных идеологических конфликтах. В дневнике Аты все это остается фоном повседневной школьной жизни, опытом, не требующим особого описания и рефлексии.

Многих (хотя и далеко не всех) ведущих дневники советских школьников волнуют не только собственные (не)успехи в изучении того или иного пред-

24 Ата имеет в виду сцену из 31 главы III тома «Войны и мира», в которой Наташа Ростова видит раненого князя Андрея в первый раз: «Он был такой же, как всегда; но воспаленный цвет его лица, блестящие глаза, устремленные восторженно на нее, а в особенности нежная детская шея, выступавшая из отложенного воротника рубашки, давали ему особый, невинный, ребяческий вид...» (Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1980. С. 395).

25 См.: Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 60.

мета, но и коллективные достижения или неудачи в учебе и общественной работе, авторитет и репутация своей группы²⁶. В дневнике 1928 года тринадцатилетняя Ата (на тот момент — ученица IV группы) рисует несколько иную картину счастливого единения со своим школьным коллективом:

Сегодня работали в физической лаборатории. Очень весело! Мы дрались, пищали, щипались, толкались, мяукали! Физик добренький! <...> В школе мы дразнили математичку. Когда она выходит, кричим — «У-у-у-у!» Она велела Блохе записать, кто кричит. Она написала «Все, кроме пионеров»; хотя пионеры орали больше всех, но им может влететь (2.10.28).

«Коллектив» охвачен состоянием, которое по большому счету не должно быть свойственно будущим строителям социализма и свидетельствует о невысоком уровне «сознательности». Это понимают и Ата, и ее одноклассники (приходится выгораживать тех, кто уже записался в пионерскую организацию), но пока (возможно, в том числе и в силу возраста) не испытывают никаких угрызений совести по поводу несоответствия своего поведения тем коллективистским стратегиям, которые культивировал советский дискурс. Ате очень важно быть своей среди школьных товарищей, в тех ее записях, в которых фигурирует школьное *Мы* (чаще всего это записи о развлечениях и баловстве), чувствуется, как радуется Ату то, что в это *Мы* включено ее *Я*.

Большая часть записей Аты о школьной жизни посвящена дружеским и романтическим отношениям. Ата ежедневно делится в дневнике романтическими новостями, рассказывая о том, кто стал или, наоборот, перестал быть объектом чьей-нибудь симпатии или антипатии, о своих и чужих победах и поражениях в любви:

С.Ф. шел из школы с товарищем. Вера Г. за ним побежала, крича во все горло «Филиповский». Он не только не остановился, не повернул голов<ы>, но даже ускорил шаги. Она за ним побежала. <...> Наконец, она догнала и говорит ему: «Саша, ты ко мне придешь на Рождество» и при этом отчаянно кокетничает. А он даже не взглянул на нее, стиснул зубы, сказал «нет», оттолкнул ее и прошел дальше быстрыми шагами, а она осталась с разинутым ртом (10.12.27).

Революционные перемены привели к разрушению социально-нравственных норм. Дореволюционная культура ухаживания за барышней с дарением цветов и чтением стихов в 1920-е годы считается отжившей моральной нормой. Превозносятся товарищеские отношения, а романтическая любовь, наоборот, на некоторое время теряет свое культурное значение и сводится к удовлетворению физиологических потребностей или просто меркнет на фоне революционной романтики, высокого чувства устремленности к революционным идеалам²⁷. Однако советские девушки изучают в школе и литературу прошлого века, в которой романтическая любовь — совершенно особое чувство, сверх-

26 См., например, дневник школьницы (позже — лаборантки на химическом производстве и студентки) Ольги Радивиловой: *Левин А.Б. Лёля. Биография. Дневник 1928–1932* / Изд. подг. А. Левин. М.: ООО «Диджител Нью Принт», 2019.

27 *Рожков А.Ю. В кругу сверстников... С. 53. О советском гендерном порядке см.: Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3–4 (1). С. 299–321.*

значимый эмоциональный опыт²⁸. Чувства и мечты юных героинь в произведениях русской классики нередко оказываются созвучны их собственным переживаниям, и девушки начинают ждать прихода того самого, обещанного литературой чувства, мечтая его испытать, страдать от его отсутствия, писать в дневнике то об одном, то о другом увлечении, пытаюсь найти героя своего романа²⁹. Неудивительно, что, когда «Он» появляется, некоторые из них начинают писать о своей любви в дневниках, цитируя письмо Татьяны Онегиной.

Ата Типот тоже ищет своего «героя». Однако ее начитанность имеет любопытный «побочный эффект». Ата — очень впечатлительный читатель, она читает литературные тексты так, как будто то, что происходит с героями, имеет к ней самое непосредственное отношение. Для нее пережитое в процессе чтения практически равнозначно пережитому в реальной жизни, поэтому с детства зачитывавшаяся романами Ата считает, что в совершенстве овладела «наукой страсти нежной». Присвоив себе богатый опыт разнообразных романских героинь, Ата чувствует свое превосходство над одноклассниками в делах любви (в первую очередь над мальчиками, читающими гораздо меньше романтической литературы). Роль наивной мечтательной девушки нравится ей гораздо меньше роли кокетки, владеющей искусством внушать любовь и подчинять своей воле:

Мне кажется, что Т. ему не нравится <sic>. Только не надо говорить ей, она очень огорчится. Она пишет, что он ее любит и что ей жаль, что он последнее время сблизился с нами. А это правда. Мы с Таней его «приручили». <...> Трабун — наш верный с Таней раб и, кажется, я дама его сердца. Смешно, но приятно (26.02.1929).

В дневнике Аты есть «запретная» тема — будущее. Мысли о будущем преследуют и тревожат, будущее внушает страх:

Я все свои поступки оцениваю с точки зрения будущего. Я все время думаю о том, что со мной будет в будущем и как надо поступать. Ужасно мучительно. <...> Есть вопросы, а ответов нет. Это — какой-то кошмар. Сказать «Вся моя жизнь» — это немного преувеличенно, но меня постоянно преследуют эти вопросы (21.01.1929).

28 Литературные тексты сильно влияют на формирование представлений о женственности, на процесс освоения связанных с ними форм поведения и на выработку в дневнике языка для разговора о чувстве. В 1930-е годы личные дневники нередко становились для советских девушек пространством рефлексии и проживания противоречий между «рациональными» и «романтическими» аспектами одобряемой модели советской женщины. Так, образы активной женщины-работницы, специалиста, общественницы необходимо было примирить с «естественными» характеристиками «слабого пола», желательными образцами привлекательности, «естественным» предназначением в роли жены, матери (см.: Attwood L. Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–53. Basingstoke; London: Macmillan, 1999. P. 166–167).

29 См., например, дневники Ольги Радивиловой, Аллы Булгаковой и Лии Малявиной: Левин А.Б. Лёля...; Малявина (Замятна) Л.А. Дневник // Электронный корпус «Прожито» (URL: <https://corpus.prozhito.org/person/7359>); Булгакова (Леванидова) А.А. Дневник // Электронный корпус «Прожито» (URL: <https://corpus.prozhito.org/person/9757>).

То, что стоит для Аты за этим страшным словом, в дневниках школьного периода так и остается невысказанным. Один из самых известных исследователей дневников Филипп Лежён указывает на то, что личный дневник всегда адресован в том числе и будущему *Я* его автора³⁰. Автор дневника обращается к будущему *Я* для того, чтобы осмыслить и обуздать хаос настоящего, и при этом как бы обязывает себя будущего быть верным своему прошлому (оставаться верным самому себе). Будущего себя вообще сложно представить, он всегда остается смутным силуэтом, а Ате Типот это сделать особенно непросто, потому что на самом деле у нее есть несколько трудно совместимых друг с другом ответов на вопросы «кто я?» и «кем быть?». В 1931 году Ата заканчивает школу (страшное будущее наступает), и противоречивость ответов на эти вопросы становится очевидна.

В дневнике Ата создает себя писателем, исследователем литературы, однако ее размышления о будущей специальности выглядят так:

Узкая специализация! Вы идете по полиграфической промышленности — уже специализация. Вы идете в типографию — еще специализированней. Дальше цех, скажем, цинкография — еще уже. Кажется, куда дальше. Но нет, этого мало. Есть еще травильщики, фото, ретушь, граверы еще что-то. Я не могу. Конечно, жизнь прекрасна, но... иногда бывает очень плохо. Идти на корректора? Не хочу канцелярской работы. Какой смысл идти на производство, ч<то> б<ы> заниматься, в сущности, канцелярским делом. С другой стороны, работа приятная, чистая, можно отличиться, могут оставить. Но опять-таки, умственная, не рабочая. <...> А, всё к черту! (30.10.1930).

По окончании семилетки Ата решает не продолжать обучение и идет работать проводником на Курскую железную дорогу. Ее довольно быстро переводят в железнодорожную многотиражную газету, и Ата становится литературным сотрудником³¹. Она занимается всем, от написания передовиц до макета номера, пишет заметки, посвященные производственным проблемам (например, такие: «Вентилятор не работает, Рабоче-крестьянская инспекция, где ты?»). Почему Ата решает распорядиться своей жизнью именно так, хотя, казалось бы, у нее есть возможность продолжить учиться, поступить в университет и заниматься тем, чем она по-настоящему живет и к чему у нее, очевидно, есть склонности? Потому что Ата хочет быть пролетарием, настоящим новым советским человеком, а не вечно колеблющимся и оглядывающимся на «старый мир» «паршивым интеллигентом»³² («пролетариат и только он на данном этапе является восходящим классом, делающим историю» (29.07.1932), — пишет Ата в дневнике). Стать пролетарием Ате мешает ее «интеллигентское» происхождение, но она полна решимости переделать свое классовое *Я*. Этот идеологический нарратив создается и транслируется в советской литературе и советской печати, звучит по радио и воспроизводится в школе, важнейшем социальном институте формирования «нового человека». Советская идеология достаточно доходчиво объясняет, как человек из чуждой пролетариату прослойки может преодолеть социальную исключенность и стать полноправ-

30 Lejeune Ph. On Diary / Ed. by J.D. Popkin and J. Rak. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. P. 324.

31 Соколова Н.В. «Лидия Гинзбург, родня, знакомые. Материалы к биографии». С. 46.

32 Там же. С 46.

ным советским гражданином, — за счет ударного труда, отдавая все силы работе. То, что оставалось в фоне, было упомянуто мимоходом или вообще отсутствовало в Атиных школьных дневниках, сыграло решающую роль в выборе жизненного пути.

Гордящаяся ролью семейного хроникера, влюбленная в театральный мир родителей Ата при этом стыдится их «непролетарских» профессий и образа жизни: «Я очень стыдилась, что мои родители — театральные люди, что у нас дома тахта с паласом с супрематическими подушками, а не простая обычная рабоче-крестьянская кровать с металлическими шишечками и подзором. И врала подругам по пионерскому отряду, что у меня папа мастер цеха на “Серпе и молоте”»³³, — вспоминает Наталья Соколова. Оказывается, что ради того, чтобы чувствовать себя своей в школе и пионерском отряде, приходится скрывать другую важную часть жизни. Семейное *МЫ* и школьное *МЫ*, не противоречащие друг другу в дневнике, в реальности оказываются взаимоисключающими.

Дневник Аты Типот отличается от дневников, рассмотренных Йохеном Хелльбеком в книге «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи», посвященной исследованию советской субъективности. Хелльбек доказывает, что личные дневники служили для многих советских людей «действенными инструментами для вмешательства в собственное Я и сопряжения его с осью революционного времени»³⁴. Авторы дневников сталинского времени стремились к самореализации в качестве субъектов истории, их волновало, кто они и как они могут измениться, чтобы вписаться в общественно-политический порядок. Однако Ата Типот в дневнике не стремится преобразовать себя в советского субъекта, напротив, развивает и пестует сомнительные с точки зрения нового времени аспекты своего Я. А стать настоящим советским человеком Ата собирается, пожертвовав мечтами о литературоведческом образовании и литературной деятельности и тем самым искупив свой «классовый грех».

Мысль о том, что интеллигенция должна «искупить свой классовый грех», была не чужда некоторым ее представителям и без советской пропаганды. Переживания Аты отчасти созвучны предреволюционным переживаниям поколения ее родителей и тети, воспитанного в стыде за свои материальные преимущества и готового пожертвовать не только ими, но и собственной культурой.

О специфике отношения своего поколения к большевистской революции и его послереволюционной судьбе часто размышляет в очерках, эссе и записных книжках Лидия Гинзбург. К началу 1930-х годов Гинзбург рассталась с возвышенными надеждами первых послереволюционных лет (стать «новым необычайным человеком, в новых необычайных условиях»³⁵ и воплотить свои творческие устремления). После разгрома формальной школы идеологами-марксистами и закрытия Института истории искусств просьбы Гинзбург о трудоустройстве преподавателем в престижные учебные заведения неизменно отклонялись, поскольку раньше она принадлежала к кругу младоформалистов. Поэтому в начале 1930-х годов она читает лекции на рабфаке Института

33 Соколова Н.В. «Лидия Гинзбург, родня, знакомые. Материалы к биографии». С. 46.

34 Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. С. 20.

35 См.: Ван Баскирк Э. Проза Лидии Гинзбург... С. 26.

гражданского воздушного флота и в литературном кружке на фабрике «Красный треугольник»³⁶. В записной книжке от 1930 года Гинзбург, рефлекслируя свое положение, находит и в себе «невыветренный след интеллигентской самоотреченности»:

В данный момент я и люди, которых я обучаю на рабфаке, любопытным образом уравновешены. То, что они учатся и вообще чувствуют себя полноценными людьми, соотносено с тем, что у меня отнята какая-то часть моей жизненной применимости; то, что они читают «Обломова» (почему именно «Обломова»?), соотносено с тем, что я не могу напечатать статью о Прусте³⁷.

Никаких чувств, кроме самых добрых, я к ним не испытываю. Во-первых, потому, что у нас у всех неистребимое народничество в крови; во-вторых, потому, что мы жадны на современное; в-третьих, потому, что профессиональная совесть и профессиональная гордость ученого и педагога не терпит нереализованных знаний; в-четвертых, потому, что если пропадать, то лучше пропадать не зря.

Как ни далека я от добродушия и от того, чтобы радостно выполнять свой долг в качестве скромного работника на ниве народного просвещения, но и в себе я ощущаю невыветренный след интеллигентской самоотреченности (оценивая ее критически). Социальное самоотречение — это раскаяние в своих преимуществах. Кающееся дворянство заглаживало первородный грех власти; кающаяся интеллигенция — первородный грех образования. Никакие бедствия, никакой опыт, никакой душевный холод не могут снять до конца этот след³⁸.

Вера в социальный прогресс, идея героического самопожертвования во имя «народа», по мнению Гинзбург, роднит ее поколение и ее старших современников с демократическими интеллигентами конца предшествующего века³⁹. Когда в 1933 году Ата пишет Лидии Гинзбург о своих переживаниях и сомнениях (о том, имеет ли она право все-таки уйти из редакции железнодорожной газеты ради занятий литературой и учебы в университете)⁴⁰, в ответном письме тетя укажет племяннице на эту поколенческую преемственность:

Кто тебя убеждает, что в текущих условиях преступно учиться? Плюнь им в глаза. Это просто бред. В каких условиях некультурность может быть полезнее, чем культура? А в особенности у нас, где культурные люди нужны до зарезу. Это все интеллигентские штучки, отрывки народничества. Интеллигенты когда-то ходили в народ, а теперь хотят «ходить в завод», спасая свою душу. Как будто бы она нужна. Ребенок, не верь глупостям. <...> Хороши будут профессора, если они побросают кафедры и, «искупая свой классовый грех», пойдут пахать землю. А тебе и искупать нечего. Есть один только правильный социальный принцип: использование людей по максимуму их возможностей⁴¹.

36 Подробнее об этом см.: Там же. С. 27–29.

37 В 1930–1932 годах Гинзбург написала начерно статьи о Прусте, сознавая, что опубликовать их в данный момент невозможно.

38 Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство — СПб, 2002. С. 88.

39 О роли Лидии Гинзбург в конструировании группового интеллигентского сознания см.: Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). С. 102–127.

40 Текст этого письма Натальи Соколовой к Лидии Гинзбург не сохранился.

41 РГАЛИ. Ф. 3270. Оп. 1. Ед. хр. 40 (9.02.1933).

Гинзбург считает подобное самоотречение (отказ от образования и связанных с ним возможностей и перспектив ради искупления «классового греха») бессмысленной и вредной жизненной стратегией. В начале 1930-х годов она исследует свою собственную судьбу и судьбы людей из своего окружения, акцентируя внимание не на том, что уникально, а на «всем психофизиологически и исторически закономерном». В своих работах Гинзбург стремится выявить доминантные элементы личности у описываемых ею людей, чтобы, отталкиваясь от этих элементов, понять, как они выбирали себе историческую роль из доступного на тот момент ассортимента⁴². В одном из эссе Гинзбург пишет:

Допустим, что человек составляет во взаимодействии его социальной функции с его биологическими и наследственными предпосылками. Допустим, что все это приводится в движение первичной человеческой потребностью реализовать максимум своих возможностей — как существа социального. Человек социально реализуется, находит «место», воспринимая и продуцируя то, что переживается им как ценность⁴³.

Поэтому отказ, по крайней мере, от попытки реализации своего потенциала для Гинзбург означает отказ от исторической роли, жизнь вне истории.

Поначалу Ата радуется обретению «реального дела», позиции самостоятельного взрослого человека, новым друзьям-железнодорожникам. Однако через год Ата начинает сомневаться в правильности выбранного пути и тосковать об отвергнутой возможности учиться и заниматься литературой, работа начинает казаться скучной и не такой уж и осмысленной:

О, как люди портят и осложняют жизнь себе и друг другу. Зачем это всё — дела, служба, честь, обязанности. Разве не прекраснее спокойно жить, читать хорошие книги, любоваться замечательными картинами, изучить дела великих людей, подвиги героев, следить за судьбами народов, наслаждаться всем прекрасным начиная от изумительного морского заката и кончая великолепной вазой, созданной каким-нибудь этруском за много столетий до нас. «Так жили поэты...» Я знаю, такая философия, такая проповедь «наслаждения жизни» — упадочна. Но я устала, устала от жизненной суетни, устала от ответственности. Этот год был слишком тяжелым и вот плоды — я перестала, как раньше, верить в то, что без меня революция пострадает, я перестала видеть пользу и нужность хотя бы той же низовой печати (31.08.1932).

1932–1933 годы — самое трудное для Аты время. Из газеты ее не отпустили (проработали на собрании за «упадочные настроения» и заставили отработать еще год), она тяготится работой, мучается и томится. Друзья из редакции упрекают Ату в эгоизме, желании «приятно учиться по литературной части» вместо того, чтобы отдавать все свои силы пятилетке, их обвинения рождают новые сомнения. Все эти обстоятельства усугубляют возрастной кризис — у Аты портятся отношения с семьей. Шестнадцатилетней Ате кажется, что ее до сих пор «держат за маленькую» и не воспринимают всерьез. Семейный мир теряет свое очарование, Ата начинает ссориться с отцом, который всегда был для нее одним из самых значимых взрослых («типичный самодур из комедии

42 См.: *Ван Баскирк Э. Проза Лидии Гинзбург...* С. 188–189.

43 Цит. по: Там же. С. 188.

Островского! Несмотря на все его советские слова — сущность все та же» (15.08.1932), — пишет она об отце после семейной ссоры). Книги становятся для Аты главным утешением:

Ну, что еще кроме стихов может дать смертному такое высшее наслаждение, такое сильное чувство? Уходишь в это с головой. И как бы не были сильны твои собственные чувства и переживания, а «книжные» настроения, навязываемые поэтом и очень чуждые тебе в данный момент, все же осилит и подчинит тебя своим законам. А когда много читаешь, то начинает казаться, что вся жизнь — ненастоящая, призрачная, такая далекая и не волнующая, а настоящее это только книги. Да, только здесь жизнь (30.01.1933).

Именно в этот момент меняется ее способ чтения. Превращая чтение в работу, Ата образует себя сама. При этом Ату мучает страх, что она так и останется «подающим надежды вундеркиндом», «будущей Жорж Санд». Тяжелый период заканчивается в 1934 году. Желание учиться оказывается сильнее страхов и сомнений: Ата поступает в Литературный институт имени А.М. Горького, собираясь заниматься русской поэзией в качестве критика и литературоведа.

Таким образом, школьные дневники Аты Типот косвенно адресованы сразу нескольким референтным группам признания. Описывая в дневнике повседневную жизнь своей семьи, Ата говорит от лица семейного *Мы*. Адресуя свои записи «потомкам», она символически получает право на роль семейного хроникера — благодаря ей жизнь семьи становится историей и обретает потенциального читателя. Школьный коллектив для Аты — столь же желанная группа признания. Школьное *Мы* и семейное *Мы* в дневнике совместимы, но в реальности оказываются взаимоисключающими (о профессии родителей и образе жизни семьи в школе приходится молчать). Ведение дневника не является для Аты практикой самодисциплинирования, воспитания себя «настоящим советским человеком». В дневнике она становится писателем, критиком и исследователем литературы. Советские школьные практики чтения и интерпретации текстов не оказывают практически никакого влияния на ее литературные предпочтения, на формирование ее читательской оптики, на ее способ писать о литературных текстах и представления о сущности и назначении литературы. Поэтому «настоящий советский человек» и «настоящий писатель» для Аты — воплощения двух абсолютно разных жизненных стратегий.

Библиография / References

Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

(Balashov E.M. Shkola v rossiyskom obshchestve 1917–1927 gg.: Stanovlenie «novogo cheloveka». Saint Petersburg, 2003.)

Ван Баскирк Э. Проза Лидии Гинзбург: Реальность в поисках литературы / Пер.

с англ. С. Силаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

(Van Baskirk E. Lydia Ginzburg's Prose: Reality in Search of Literature. Moscow, 2020 — In Russ.)

Вендровская Р.Б. Школа 20-х гг.: поиски и результаты. М.: Международная педагогическая академия, 1993.

(Vendrovskaya R.B. Shkola 20-kh gg.: poiski i rezul'taty. Moscow, 1993.)

- Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
- (Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatel'ya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury. Saint Petersburg, 1997.)
- Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3–4 (1). С. 299–321.
- (Zdravomyslova E., Temkina A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. 2003. № 3–4 (1). P. 299–321.)
- Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). С. 102–127.
- (Paperno I. Sovetskiy opyt, avtobiograficheskoe pis'mo i istoricheskoe soznaniye: Ginzburg, Gertsen, Gegel' // Novoe literaturnoe obozreniye. 2004. № 4 (68). P. 102–127.)
- Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyy mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov. Moscow, 2014.)
- Савкина И.Л. «Если радость на всех одна...», или Автопортрет поколения в юности // «Хочется жить во всю силу...»: Дневники подростков оттепели / Изд. подг. И.Л. Савкина, С.В. Николаева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 7–28.
- (Savkina I.L. «Esli radost' na vseh odna...», ili Avtoportret pokoleniya v yunosti // «Khochetsya zhit' vo vsyu silu...»: Dnevniky podrostkov ottepeli / Ed. by I.L. Savkina, S.V. Nikolaeva. Saint Petersburg, 2023. P. 7–28.)
- Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет, 2007.
- (Sal'nikova A.A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. Kazan, 2007.)
- Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003.
- (Smirnova T.M. «Byvshie lyudi» Sovetskoy Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody. Moscow, 2003.)
- Уварова Е.Д. Эстрадный театр: Миниатюры, обзоры, мюзик-холлы (1917–1945). М.: Искусство, 1983.
- (Uvarova E.D. Estradnyy teatr: Miniatyury, obozreniya, myuzik-kholly (1917–1945). Moscow, 1983.)
- Фицпатрик Ш. Повседневный Сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
- (Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Moscow, 2008 — In Russ.)
- Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Российская академия наук, 1996. С. 240–275.
- (Foteeva E. Sotsial'naya adaptatsiya posle 1917 goda: zhiznennyy opyt sostoyatel'nykh semey // Sud'by lyudey: Rossiya XX vek. Biografii semey kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya. Moscow, 1996. P. 240–275.)
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
- (Kharkhordin O. Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti. Saint Petersburg, 2016.)
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Авторизов. пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Moscow, 2017 — In Russ.)
- Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
- (Chuykina S.A. Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody). Saint Petersburg, 2006.)
- Attwood L. Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–53. Basingstoke; London: Macmillan, 1999.
- Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979.
- Harris J.G. A Biographical Introduction // In Memoriam: Lidiya Ginzburg / Ed. by J.G. Harris // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28. № 2–3. P. 126–145.

- Holmes L.* School and Schooling under Stalin, 1931–1934 // *Educational Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects* / Ed. by B. Ekloff, L. Holmes, V. Kaplan. London; New York: Frank Cass, 2005. P. 56–101.
- Kelly C.* *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 2007.
- Lejeune Ph.* *On Diary* / Ed. by J.D. Popkin and J. Rak. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.
- Rendle M.* Family, Kinship and Revolution: The Russian Nobility, 1917–1924 // *Family and Community History*. 2005. Vol. 8. № 1. P. 35–47.
- Smith S.* Performativity Autobiographical Practice Resistance // *Women, Autobiography, Theory: A Reader* / Ed. by Sidonie Smith and Julia Watson. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. P. 108–116.